

Сообщения

УДК 929.52(470)''12''(045)

В.В. Долгов

РОДИТЕЛИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ГЕНЕАЛОГИИ

Статья посвящена исследованию точек зрения на происхождение князя Александра Невского. Основное внимание уделено личности матери князя, одной из жён князя Ярослава Всеволодовича. Противоречивые указания историков не дают возможности точно установить, какой ветви княжеского рода принадлежала княгиня. По одной из версий, она была дочерью князя Мстислава Удатного. Интересные доводы в подтверждение этой версии приведены известным московским историком В. А. Кучкиным. Однако есть и другие предположения. Видный знаток генеалогии Н. А. фон Баумгартен считал матерью Александра дочь рязанского князя Игоря Всеволодовича. Собственную версию происхождения князя Александра выдвинул и представитель «альтернативной истории» А. Н. Нестеренко. Критическому разбору этих предположений посвящена существенная часть работы. Кроме того, внимание уделяется ошибкам, содержащимся в больших генеалогических сводах. Например, в грандиозном труде по генеалогии князя П. В. Долгорукова.

Ключевые слова: Александр Невский, Древняя Русь, генеалогия.

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-1-88-94

Родители князя Александра состояли в кровном родстве, которое, впрочем, было достаточно дальним. Издревле церковные правила запрещали браки до шестой степени включительно. Дистанция же между отцом — князем Ярославом Всеволодовичем и матерью Федосией-Ростиславой Мстиславовной составляла семь степеней (т. е., говоря языком генеалогии, «рождений»). И по мужской, и по женской линии Александр — потомок Юрия Долгорукого, который был дедом его отца, Ярослава, и приходился пра-пра-прадедом его матери Феодосии.

Константинопольский Собор 1168 г., по инициативе патриарха Луки Хрисоверга, предписал расторгать браки между супругами, состоявшими в седьмой степени бокового кровного родства, но до Руси канонические новации доходили медленно. Ещё и в XIV в. в тексте Софийской Кормчей седьмая степень родства при заключении брака называется разрешённой [15, с. 143]. Однако можно сказать, что брак этот был заключён «на грани» позволенного. Что, впрочем, в княжеской семье было обычным делом. При всей многочисленности потомков Рюрика найти семейство, отстоящее на нужное количество колен, располагавшее невестой на выданье и подходящее по политическим мотивам, было непросто. Нередки случаи, когда ради политических целей князь заключал браки с нарушением церковных запретов [7, с. 96–102].

Впрочем, в данном случае политический расчёт выглядит весьма загадочно. Новгородский князь Мстислав Мстиславич Удатный бесконечно враждовал и со своим будущим сватом князем Всеволодом III Большое Гнездо, и с зятем — Ярославом Всеволодовичем. Причём, вражда эта, начавшись до возможного времени заключения брака, продолжилась и после.

Видимо, решающим в данном случае был не столько военно-политический, сколько чисто семейный, генеалогический расчёт. Подходящие невесты княжеского рода, удовлетворявшие церковным правилам, судя по всему, были в большом дефиците. Показательна фраза, вложенная в уста Ярослава неизвестным автором «Повести о битве на Липице». В 1216 г. произошла Липицкая битва, в которой Ярослав потерпел жесточайшее поражение от своего тестя. Согласно «Повести», Ярослав был сильно расстроен не столько военным проигрышем, сколько тем, что Мстислав отозвал к себе его жену — свою дочь. Умоляя тестя Мстислава Удатного вернуть ему Ростиславу-Феодосию, Ярослав говорит: «Чи не бывает поточи княземь? А мене по правде кресть убил» [9, с. 86]. То есть, по мнению князя, политические противоречия — это одно дело: за них он принимает наказание от Бога (т. е. от «креста»); а лишать его за это жены нет никакой причины — это сфера отдельная.

Дата заключения брака не названа ни во Владимирской, ни в Новгородской летописях. Упоминание есть в «Летописце Переслава Суздальского», ставшего основным источником «Летописца

русских царей» (сборник XV в.). Однако именно в смысле датировки свадьбы Ярослава этот текст помочь не может. Статья, в которой говорится о свадьбе, помеченная 6722 годом [13, с. 131–132], имеет сложный состав: автор летописного текста соединил известия, датированные по мартовскому и ультрамартовскому стилю в рамках одной статьи (т. е., в ней содержится рассказ о событиях и 1213/4, и 1214/5 гг.) [2, с. 96]. Кроме того, текст погодной статьи содержит упоминание, что год бы високосный, что указывает на 6720 или 6724 год, что ещё шире раздвигает границы возможной датировки событий, описанных в этой статье. Если, как считает, Б. М. Клосс, имелся в виду 6724 г. [5, с. IX] то при ультрамартовской датировке получается 1215 г., а при мартовской — 1216 [2, с. 349]. Поэтому использовать эту статью, содержащую несколько несовместимых противоречивых хронологических признаков (титовая дата, набор событий, указание на високосный год), для датировки невозможно. О дате свадьбы можно судить лишь косвенно.

Как выше сказано, после поражения на Липице, Ярослав был вынужден вернуть жену тестю. Остаётся предположить, что невеста была передана жениху незадолго до Липицкой битвы, и брак ещё не был заключён положенным образом. Заключение брака в древнерусские времена — много-ступенчатая операция. Особенно, в княжеской среде. Невесту сначала посылали во владения жениха, а уж потом играли свадьбу. Так, в 1187 г. послы явились за дочерью суздальского князя Всеволода Верхуславой на Пасху, которая тогда приходилась на март. А венчание состоялось осенью или даже в конце зимы — на Ефросиньин день [10, с. 658] во владениях жениха. Другой пример: между обручением и браком московского княжича Ивана Васильевича и тверской княжны Марии Борисовны и во все прошло три года. Поэтому ничего выходящего за пределы вероятия в такой растянутой процедуре нет. Невеста какое-то время могла жить в семье жениха, не будучи его женой. Иначе, возвращение Мстиславу дочери вряд ли было возможно.

Через 4 года после этих событий суздальская летопись фиксирует появление первенца — Фёдора, старшего брата легендарного князя. Произошло это в 6728 г. (или, по мнению В. А. Кучкина, в феврале 1220 г. [6, с. 2]). То есть на каком-то этапе Феодосия была возвращена мужу. Однако в источниках возвращение никак не отразилось. Поэтому личность матери Александра Невского и история начала её взаимоотношений с Ярославом Всеволодовичем остаются во многом спорными¹.

Есть версия видного генеалога Николая Александровича фон Баумгартена (1867–1939), что Мстислав всё-таки не вернул Ярославу свою дочь. По его мнению, жён у Ярослава было три. Первая была половецкой княжной, внучкой хана Кончака. Относительно этого факта в нашем распоряжении есть два источника. Во-первых, Воскресенская летопись — крупный памятник московского летописания XVI в. Там сказано, что «князь великий Всеволод жени сына своего Ярослава, и приведоша за нь въ Переяславль Юрьевну Кончаковича» [12, с. 112], т. е. дочь Юрия Кончаковича — весьма известного половецкого деятеля. То же известие сообщает нам и В. Н. Татищев [18, с. 346]. Поэтому факт этот можно считать установленным на весьма прочных основаниях. Куда потом делась это дочь Юрия Кончаковича — не ясно. Очевидно, умерла.

Вторая жена, согласно с общим мнением — дочь Мстислава Мстиславича Удатного. Но, по мнению Баумгартена, Ярослав всё-таки «сдал» её обратно отцу по его требованию, а взамен через некоторое время женился на дочери рязанского князя Игоря Всеволодовича [1, с. 21–23].

На чём же строит Баумгартен свою систему доказательств? Во-первых, он обращает внимание на разницу имён. Дочь Мстислава называется в источниках то Ростиславой, то Феодосией.

Во-вторых, Баумгартен строит свою систему на том, что трёх жён упоминают «некоторые родословные». Собственно, он ссылается на грандиозный труд по генеалогии князя Петра Владимировича Долгорукова [17, с. 205]. Необходимо сказать несколько слов о князе Петре Долгорукове. Это, безусловно, был авторитетнейший русский генеалог XIX в. Однако ж, нужно понимать, что авторитетный — далеко не всегда означает добросовестный как исследователь. Труд его поражал масштабом. Однако в деталях князь был точен далеко не всегда. Генеалогия для него была своеобразным оружием, при помощи которого он преследовал своих недругов. С фактами он обращался весьма произвольно, сплошь и рядом выдавая свои догадки за свершившиеся факты. Так, например, он утверждал, что Павел I — «чухонский младенец», которым на скорую руку был заменён сын Екатерины II и С. В. Салтыкова [4].

¹ Известный исследователь генеалогии Н. А. Баумгартен предполагал наличие у князя третьей жены, которая и стала матерью его детей [1, с. 21–23]. Эта гипотеза была подвергнута основательной критике В. А. Кучкиным. Однако, при всей убедительности его доводов, считать эту проблему полностью разрешённой нельзя.

Может, конечно, Павел, в самом деле «чухонский младенец», а может, сын Салтыкова, в пределах вероятия и то, что он на самом деле был сыном Петра III. Всё может быть, но вот только оснований для любого из обозначенных утверждений у князя Долгорукова не было. Это были лишь догадки, которые хорошо ложились на общественно-политическую позицию князя, который по мере своего критицизма поднимался порой до уровня другого аристократа — П. Я. Чаадаева.

Почему это важно? Это важно потому, что характеризует князя как исследователя: увь, доверять всем деталям его изложения не приходится. Тем более тогда, когда сообщаемые им сведения не подкреплены ссылками. В случае с жёнами князя Ярослава мы имеем как раз такую ситуацию. Долгоруков пишет: «Ярослав-Фёдор Всеволодович, р. 1190, + 1246; Великий князь Владимирский, родоначальник угасших Великих Князей Московских и Тверских, князей Суздальских и Галицких, и угасших князей: Боровских, Можайских, Верейских, Углицких, Волоцких и Шемякиных; жён: 1. на княжне Ростиславе Мстиславовне, дочери князя Новгородского Мстислава Мстиславовича, 2. на княгине Феодосие (в инокинях Ефросиенье)» [17, с. 205].

Как видим, князь «потерял» вполне обоснованное известие о половецкой княжне. А наличие двух жён в его Родословной книге ничем не подтверждается и никак не объясняется.

Третье обстоятельство: наличие у жены Ярослава брата, которого называют князем Юрием. Об этом свидетельствует сообщение Новгородской первой летописи старшего извода под 1232 г.: «придоша пльсковци, поклонишася князю: “ты наш князь”; и въспросиша у Ярослава сына Федора, и не да имъ сына, и рече: “се да, вы шюрин свой Гюргя”» [11, с. 72]. Баумгартен перебирает всех известных на тот момент Юриев, и обнаруживает, что, их было несколько. И среди них был рязанский князь Юрий Игоревич. Генеалогу видится, что его гипотеза блестяще подтвердилась. Он предположил, что последняя жена Ярослава — рязанская княжна. Поэтому наличие среди рязанских князей Юрия кажется ему достаточным доказательством. На самом деле, конечно, имеет место логическая ошибка. Если допустить, что Юрий был сыном любого другого князя — схема остаётся столь же возможной. Имя *Юрий* — было в то время весьма популярным. И более или менее известные Юрии имелись в наличии практически во всех ветвях княжеского рода.

Как видим, фундамент, на который опирается Баумгартен в своей генеалогической статье, весьма непрочен и во многом произволен. Увь, это весьма характерная черта генеалогических построений. Генеалогам приходится иметь дело с большими массивами данных. Поэтому они склонны доверять мнению предшественников и принимать его без серьёзной критики. Генеалогическая традиция существует во многом замкнуто. В отрыве от общеисторического научного процесса. Однажды разделившись натрое, образ жены Ярослава продолжает перекочёвывать из справочника в справочник. Начавшись трудом князя Петра Владимировича Долгорукова, эта цепочка была поддержана Николаем Александровичем фон Баумгартеном, а на современном этапе существует благодаря работе украинского историка Леонтия Викторовича Войтовича [3].

Кстати, даже после того, как историки вполне твёрдо установили, что в традиционные генеалогические таблицы закралась очевидная ошибка, никаких трансформаций в них, скорее всего, не произойдёт. Генеалогия — очень консервативная дисциплина.

Поэтому, пожалуй, возможности сугубо генеалогического подхода в деле определения, кто же все-таки был матерью Александра Невского исчерпаны. В ситуации, когда решительно невозможно определить, какой из Юриев имеется в виду в кратких летописных сообщениях, российский историк Владимир Андреевич Кучкин предложил иной подход [6, с. 18–33].

Он решил взглянуть на ситуацию шире. Место рождения, как правило, не чисто пространственная характеристика. С малой родиной человек сохраняет связь всю жизнь. В. А. Кучкин обратил внимание, что жена Ярослава Всеволодовича по ходу жизни не проявляла никакого интереса к Рязани. А Новгород, напротив, посещала достаточно часто. Жила там и с мужем, и без. Кроме того, историк обратил внимание на важное обстоятельство, упущенное генеалогом. Феодосия вышла замуж за Ярослава в 1218 г. Если она была дочерью Игоря Глебовича, то ей в те поры должно было быть не менее 25 лет, ведь сам князь умер в 1194 г. Причём, это самое малое. Во времена Николая Александровича фон Баумгартена выходить замуж в 25 лет было делом обычным. Но не в XII в.! Брачный возраст по современным меркам наступал рано. В послании митрополита Фотия новгородцам (XV в.) нижняя граница выдачи замуж для девочек определена — 12 лет [16, с. 425]. В XII в., бывало, выдавали и в более раннем возрасте. Например, в 1187 г. княжна Верхуслава Всеволодовна Суздальская была выдана замуж за сына Рюрика Ростиславича, когда ей было всего 8 (восемь!) лет [14, с. 70–104].

В простонародной среде ранние браки были обусловлены хозяйственными нуждами — с появлением невестки в доме прибавлялись рабочие руки. В княжеской — действовали причины политические. В любом случае, в 25 лет девица считалась бы уже очень засидевшейся в девках.

Не все доводы В. А. Кучкина можно считать убедительными. Например, то обстоятельство, что источники не указывают на рождение в семье рязанского князя Игоря Глебовича дочерей — само по себе ничего не значит. Рождение дочерей в летописях вообще отмечается крайне редко. Но в остальной системе доводов достаточно весомая. Она позволяет склоняться к мысли, что матерью Александра была всё-таки дочь Мстислава Мстиславича. В общем и целом, ситуация весьма частая, если речь идёт о раннесредневековой истории: многие факты в принципе невозможно доказать незыблемо. Определённая (иногда бóльшая, а иногда мёньшая) степень допущения всё равно остаётся. Можно лишь говорить о том, чья система доказательств менее противоречива и учитывает максимальное количество имеющихся известий. В этом случае, предпочтение следует отдать аргументации В. А. Кучкина.

Меж тем, все эти научные допущения, недосказанность и неизбежная гипотетичность исторических теорий, как правило, привлекают внимание непрофессиональных историков. Непрофессионалу трудно бывает смириться с наличием «белых пятен» на историческом полотне. Увы, там, где профессионал вынужден развести руками и признать принципиальную нерешаемость проблемы, энтузиаст-неофит смело кидается в бой и разрисовывает «белое пятно» в силу своего вкуса и фантазии. Как ни странно, проблема установления генеалогии Александра Невского тоже оказалась в числе научных загадок, взбудораживших сознание «любителей истории», с одним из которых мы имели весьма забавную дискуссию на страницах журнала «Вопросы истории». Имеется в виду статья канд. филос. наук А. Н. Нестеренко, которая, фактически, целиком посвящена нашей статье [8, с. 103–114]. Статью Нестеренко возможно было бы рассматривать как вариант популярной сегодня «деконструкции нарратива». В этом направлении проводится большая работа, и достигнуты интересные результаты (И. Н. Данилевский, Т. Л. Вилкул). Не менее интересный материал для размышлений дают работы критиков этого направления (П. В. Лукин). Но сходство с «деконструкцией» поверхностное.

Отличие в следующем: на профессиональном уровне дискуссии гипотеза не может быть опровергнута фантазией. На дилетантском же это происходит постоянно. Так строится дискурсивность сторонников «Новой Хронологии» и других версий «альтернативной истории» Именно так выстроена и статья Нестеренко.

Как было уже сказано, личность жены князя Ярослава, ставшей матерью Александра Невского, остаётся спорной. Многие неясно, но не для Нестеренко.

Во-первых, встретив в текстах разных эпох и жанров три варианта имени жены Ярослава, он смело приходит к выводу, что у князя было три жены. В отличие от Баумгартена, который, по крайней мере, сослался на труд князя Долгорукова, Нестеренко не ссылается вообще ни на что. Кандидат философских наук не принимает во внимание, что в XIII в. у представителя княжеского рода могло быть три имени: княжеское (языческое), крестильное и иноческое (Ефросинья — именно иноческое имя, наречённое пред смертью, о чём ясно сказано в Новгородской первой летописи [11, с. 298]).

Нестеренко на летописный текст внимания не обращает, ему и без летописи ситуация видится ясной: раз имени три, так и жены должно быть три. При этом повседневный опыт подсказывает кандидату философских наук, что если человек женится три раза, то в условиях отсутствия средств контрацепции, у него должен родиться целый выводок детей от всех трёх жён. Но по всему выходит, что детей-то князю рожала одна жена — последняя.

Как же получилось, что две первых никого не родили? В летописи об этом нет ни слова. Загадка? Нет! На помощь Нестеренко вновь приходит его жизненный опыт. Оказывается, у князя Ярослава Всеволодовича были проблемы с детородной функцией! Пожалуй, автор заслуживает степени не только по философским, но и по медицинским наукам. Диагностика половой дисфункции по летописному тексту — это достижение мирового масштаба!

Но как же всё-таки князю удалось завести детей от «последней» жены? Если у него, как считает Нестеренко, «с продолжением рода были проблемы»? Как получилось, что в этом браке «дети стали появляться с завидной регулярностью»? Тут-то и кроется самое интересное открытие Нестеренко: Ярослав не был их «биологическим отцом»! Увы, автор не поясняет обстоятельства, при которых жена Ярослава одних только детей мужского пола родила по летописному счёту 10 чел. Видимо, князь, удручённый детородной проблемой, терпеливо наблюдал, как жена занимается производством потомства с другими, «биологическими» отцами. Причём, терпел он этот удивительный процесс на

протяжении всей жизни. Терпел, хотя измена жены (или даже только подозрение в измене) по уставу Ярослава — одно из главных оснований для развода [19, с. 90].

Можно бы предположить, что Ярослав был благодушным и рассеянным рогоносцем, который не подозревал, откуда у его «третьей» жены вдруг в большом количестве стали появляться дети. Но такое предположение противоречит версии самого же Нестеренко. По его мнению, князь Ярослав прекрасно знал, что дети не его. Откуда это известно? По мнению Нестеренко, всё очень просто: оказывается, Ярослав детей не любил [8, с. 105]. То есть пока жена их «делала» с другим мужчиной (или с другими мужчинами) ещё как-то терпел, а потом справиться с собой не смог. Трагедия поистине шекспировского масштаба. В чём же проявлялась эта нелюбовь? Как это можно выяснить по тексту летописи, в котором о любви или нелюбви нет ни слова?

Как уже говорилось выше, неразрешимых вопросов для увлечённого энтузиаста нет. В этом и заключается одно из главных отличий научного подхода от «альтернативного».

Кандидат философских наук даёт ответ: то, что Ярослав детей не любил видно по тому, что он послал их княжить в Новгород, который почему-то представляется Нестеренко каким-то ужасным местом. Но, во-первых, остаётся неясным, что же в нём такого ужасного? Во-вторых, нужно принять во внимание, что подобным образом поступали и многие русские князья, начиная со Святослава Игоревича. Неужели их всех терзала половая дисфункция, и их дети тоже не были родными?

Весьма характерной деталью подхода Нестеренко является элемент конспирологии, являющейся обязательным звеном большинства «альтернативных» концепций. Он пишет: «Остаётся загадкой, почему советские и вслед за ними российские историки с таким упорством отстаивают умозрительную гипотезу и т. д.» В самом деле, кандидату философских наук не ясно, чего это историки возятся, и «разводят контрреволюцию», когда всё так просто и ясно? Не иначе, тут кроется страшная тайна!

На самом деле, тайны нет никакой. Простота эта кажущаяся, и рассыпается как карточный домик при добросовестном взгляде. Так, например, довод о недопустимости близкородственного брака Андрея Ярославича и дочери Даниила Романовича Галицкого не выглядит основательным, если ориентироваться не на современные церковные реалии, и не на цитату в нашей статье, а на древнерусские тексты. Между тем, древнерусские Кормчие, в которых нормировались разрешённые степени брака, оперируют терминами родства только по мужской линии: «Тако есть право уне поимания: брата два — то две колене» [15, с. 143], что при буквальном их прочтении открывает большие возможности для обхода, ведь Андрей и дочь Даниила принадлежат к разным родам, и связаны только через сестёр (Анну и Феодосию).

Впрочем, нарушения церковных правил случались и в случае родства по мужской линии [7, с. 90–102]. Поэтому историк, живущий в XXI в., не может однозначно сказать, что разрешила или запретила бы церковь в XIII в. Теоретически, церковь должна была запретить браки двух дочерей Рюрика Ростиславича, вышедших замуж за своих троюродных братьев, а на деле ничего подобного не произошло. Церковь в лице митрополита Никифора II почитала браки законными [7, с. 90–102]. Именно понимание деталей не даёт историкам раз и навсегда снять вопрос о матери Александра Невского, а не какие-то особые симпатии к дочери Мстислава Удатного или к нему самому.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баумгартен Н. А.* К родословию великих князей Владимирских. Мать Александра Невского // *Летопись Историко-родословного общества в Москве*. М., 1908. Вып. 4 (16), С. 21–23.
2. *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1967. 376 с.
3. *Войтович Л. В.* Князівські Династії Східної Європи (кінець IX — початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2000. 649 с.
4. *Записки князя Петра Долгорукова* / пер. с фр. А. Ю. Серебрянниковой; вступит. ст., примеч. и указатель С. Н. Искуля. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2007. 640 с.
5. *Клосс Б. М.* Предисловие // *Полн. собр. русских летописей*. Т. 41: Летописец Переславля Суздальского: (Летописец русских царей) / Археогр. центр и др.; [отв. ред. В. И. Буганов; предисл. Б. М. Клосса]. М.: Археогр. центр, 1995. С. IX.
6. *Кучкин В. А.* Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // *Отечественная история*. 1996. № 5. С. 18–33.

7. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Близкородственные браки Рюриковичей в XII в. как предмет вспомогательного-исторического исследования // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы XXV междунар. науч. конф.; Москва, 31 янв. — 2 февр. 2013 г.; Ч. 1. М., 2013. С. 96–102.
8. Нестеренко А. Н. Ложные нарративы биографии Александра Невского в отечественной историографии // Вопр. истории. 2016. № 1. С. 103–114.
9. Повесть о битве на Липице // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век. СПб.: Наука, 1997. С. 74–88.
10. Полн. собр. русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 1105 с.
11. Полн. собр. русских летописей. Т. III: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 692 с.
12. Полн. собр. русских летописей. Т. VII: Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. 358 с.
13. Полн. собр. русских летописей. Т. XLI: Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей) / предисл. Б. М. Клосса. М.: Археографический центр, 1995. 184 с.
14. Пушкарёва Н. Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
15. Расписание степеней родства и свойства, препятствующих браку // Русская историческая библиотека. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI–XV вв. СПб.: [Тип. М. А. Александрова], 1880. С. 143–144.
16. Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси // От Корсуня до Калки. М.: Мол. гвардия, 1990. С. 255–470.
17. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Ч. 1. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1854. 350 с.
18. Татищев В. Н. История Российская. Т. III. М.: Напечатана в Императорском Московском университете, 1774. 536 с.
19. Устав Ярослава // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976. С. 86–91.

Поступила в редакцию 01.12.2019

Долгов Вадим Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: dolgov@udm.ru

V.V. Dolgov

PARENTS OF ALEXANDER NEVSKY IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY AND GENEALOGY

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-1-88-94

The article is devoted to the study of points of view on the origin of Prince Alexander Nevsky. The main attention is paid to the personality of the prince's mother, one of the wives of Prince Yaroslav Vsevolodich. The contradictory data of sources do not make it possible to establish exactly which branch of the princely family the princess belonged to. According to one version, she was the daughter of Prince Mstislav Udatny. The famous Moscow historian V. A. Kuchkin gives interesting arguments in support of this version. However, there are other assumptions. A prominent expert in genealogy N.A. von Baumgarten considered the daughter of Ryazan Prince Igor Vsevolodovich to be Alexander's mother. The representative of the "alternative history" A. N. Nesterenko put forward his own version of the origin of Prince Alexander. An essential part of the work is devoted to a critical analysis of these assumptions. In addition, attention is paid to errors contained in large genealogical codes, for example, in a grandiose work on the genealogy of Prince P. V. Dolgorukov.

Keywords: Alexander Nevsky, Ancient Russia, genealogy.

REFERENCES

1. Baumgarten N. A. K rodosloviyu velikih knyazej Vladimirskih. Mat' Aleksandra Nevskogo [To the genealogy of the great princes of Vladimir. Mother of Alexander Nevsky]. Letopis' Istoriko-rodoslovnogo obshchestva v Moskve [Annals of the Historical and Pedigree Society in Moscow]. Moscow, 1908, no. 4 (16), pp. 21–23. (In Russian).
2. Berezikov N. G. Hronologiya russkogo letopisaniya [Chronology of Russian chronicles]. Moscow, Ed. of the Academy of Sciences of the USSR, 1967, 376 p. (In Russian)
3. Vojtovich L. V. Knyazivs'ki Dinastii Skhidnoi Evropi (kinec' IX — pochatok XVI st.): sklad, suspil'na i politichna rol'. Istoriko-genealogichne doslidzhennya [Princely Dynasties of Eastern Europe (end of 9th — beginning of 16th

- centuries): composition, social and political role. Historical and genealogical research]. L'viv, Ed. of the Institute of Ukrainian Studies named after I. Kryp'yakevich, 2000, 649 p. (In Ukrainian).
4. Zapiski knyazya Petra Dolgorukova [Notes by Prince Peter Dolgorukov]. Saint Petersburg, "Gumanitarnaya akademiya" Publ., 2007, 640 p. (In Russian).
  5. *Kloss B. M.* Predislovie [Preamble]. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], vol. 41. Moscow, "Archaeographic Center" Publ., 1995, p. IX. (In Russian).
  6. *Kuchkin V. A.* Aleksandr Nevskij — gosudarstvennyj deyatel' i polkovodec srednevekovoj Rusi [Alexander Nevsky — statesman and commander of medieval Russia]. Otechestvennaya istoriya [National History], 1996, no. 5, pp. 18–33. (In Russian).
  7. *Litvina A. F., Uspenskij F. B.* Blizkorodstvennye braki Rurikovickej v XII veke kak predmet vspomogatel'no-istoricheskogo issledovaniya. Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny v sovremennom nauchnom znanii [The closely related marriages of the Rurikovich in the 12th century as a subject of auxiliary historical research]. Materialy XXV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii; Moskva, 31 yanvarya — 2 fevralya 2013 goda; chast' 1 [Materials of the XXV international scientific conference; Moscow, Jan. 31 — Feb. 2, 2013; part 1]. Moscow, [n. a.], 2013, pp. 96–102. (In Russian).
  8. *Nesterenko A. N.* Lozhnye narrativy biografii Aleksandra Nevskogo v otechestvennoj istoriografii [False narratives of the biography of Alexander Nevsky in Russian historiography]. Voprosy istorii [History Issues], 2016, no. 1, pp. 103–114. (In Russian).
  9. Povest' o bitve na Lipice [The Tale of the Battle of Lipica]. Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 5. XIII vek [Library of literature of Ancient Russia. Vol. 5. 13th century]. Saint Petersburg, "Nauka" Publ., 1997, pp. 74–88. (In Russian).
  10. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], vol. II. Moscow, "Languages of Russian Culture" Publ., 1998, 1105 p. (In Russian).
  11. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], vol. III. Moscow, "Languages of Russian Culture" Publ., 2000, 692 p. (In Russian).
  12. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], vol. VII. Saint Petersburg, [n. a.], 1856, 358 p. (In Russian).
  13. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], vol. XLI. Moscow, "Archaeographic Center" Publ., 1995, 184 p. (In Russian).
  14. *Pushkareva N. L.* Zhenshchiny Drevnej Rusi [Women of Ancient Russia.]. Moscow, "Mysl" Publ., 1989, 286 p. (In Russian).
  15. Raspisanie stepenej rodstva i svojstva, prepyatstvuyushchih braku [List of degrees of kinship and properties preventing marriage]. Russkaya istoricheskaya biblioteka. T. 6. Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava. Ch. 1. Pamyatniki XI–XV vekov. [Russian historical library, vol. 6. Monuments of Old Russian canon law, part 1. Monuments of 11th–15th centuries]. Saint Petersburg, [Print. house of M. A. Alexandrov], 1880, pp. 143–144. (In Russian).
  16. *Romanov B. A.* Lyudi i nnavy Drevnej Rusi [People and customs of Ancient Russia]. Ot Korsunya do Kalki [From Korsun to Kalka]. Moscow, "Molodaya gvardiya" Publ., 1990, pp. 255–470. (In Russian).
  17. Rossijskaya rodoslovnaya kniga, izdavaemaya knyazem Petrom Dolgorukovym [Russian genealogy book published by Prince Peter Dolgorukov], part 1. Saint Petersburg, K. Wingeber Print. House, 1854, 350 p. (In Russian).
  18. *Tatishchev V. N.* Istoriya Rossijskaya [Russian history], vol. III. Moscow, Printed at Imperial Moscow University, 1774, pp. 86–91. (In Russian).
  19. Ustav Yaroslava [The charter of Yaroslav]. Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv. [Old Russian princely charters of the 11th–15th centuries]. Moscow, "Nauka" Publ., 1976, pp. 86–91. (In Russian).

Received 01.12.2019

Dolgov V. V., Doctor of History, Professor of the Department of Russian History
 Udmurt State University
 Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
 E-mail: dolgov@udm.ru